

ЗАПИСКИ ДОФИНСКОГО КУРЬЕРА

Валида Будакиду
Александрос Бурджанадзе

Валида Будакиду

Записки афинского курьера

«Издательские решения»

Будакиду В. (.

Записки афинского курьера / В. (. Будакиду — «Издательские решения»,

Этот сборник рассказов — небольшая часть моего литературного творчества. Видимо, каждый доктор в определённый момент своей жизни начинает понимать, как ему необходимо высказаться. Накопленный от общения с пациентами большой жизненный опыт и иже с ним потенциальная энергия ну о-о-о-очень просят на свободу!

Содержание

Где встретится с прошлым?	6
Дорогому читателю	10
Мирка	11
Собачья доля	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Записки афинского курьера

Сборник рассказов

Валида Будакиду
Александрос Бурджанадзе

Дизайнер обложки Димитрис Камарас

Дизайнер обложки Евгений Булаш

© Валида Будакиду, 2017

© Александрос Бурджанадзе, 2017

© Димитрис Камарас, дизайн обложки, 2017

© Евгений Булаш, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-4203-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где встретится с прошлым? (открытое письмо)

Добрый день, дорогой мой читатель!

Я не лгу: ты действительно дорог мне. Грош цена работе поэта, художника, писателя, даже самого маститого, если им не с кем поделиться. Это как лузгать семечки в одиночку, спрятавшись где-нибудь в сарае, ну или смотреть хорошее кино без родного плеча рядом: ни хихикнуть тебе, ни всплакнуть...

Можно я на правах старого друга буду обращаться к тебе на «ты»? Очень хочется избежать этого холодно-официального множественного числа.

Так вот: хочу спросить – давно ли ты видел абсолютно счастливого человека?

Счастливого не потому, что, зализав до псориаза богатого клиента, получил такие барыши с оптовой продажи плоек для тараканов, не потому, что тайно увёл подружки то богатого любовника; а счастливого просто так. От того к примеру, что каждый день всходит новое солнце, что ничего в организмах не болит; от вида огромных оранжевых тыкв, привезённых соседом из деревни и вываленных в аккурат под общим балконом, а главное, что теперь эта красота из золота с терракотой стала будуаром для огромного количества котов, каждую ночь страстно возвещающих о неутолимом желании сделать что-нибудь хорошее для продолжения своего рода.

Такого беззастенчиво-счастливого человека видел давно?

Тогда привет! Вот и я!

Конечно же, солнце плещется в моих окнах, тыквы красуются под моим балконом, а народившимся после осатанелых сексуальных оргий, котяткам молоко подливаю в мисочки тоже я. Душевный покой, радость каждого дня... Может поэтому мне и повезло с умными мыслями? Говорят, когда спишь спокойно, видишь вещие сны. Вот и мой сон сбылся – я стала знаменитой! Ко мне на улице уже четыре раза приставали чужие собаки!

Шучу, конечно... Не в разгах тайна...

Как не пошутить, жизнь и так не богата на праздники!

А, если серьёзно – стоило только поработать над правильными решениями, как на самом деле всё вышло совершенно фантастически – я доработала и издала все свои книги.

Конечно очень много людей мне помогали, поддерживали, редактировали, не всегда грамотно написанные, тексты.

Первая книга вышла через десять лет после нашего переезда в Грецию, в 2000 году.

Всё в Греции было совсем не таким: обычаи, духовные ценности, менталитет, образ жизни, еда. Месяца два я мучилась несварением желудка, ровно до тех пор, пока обнаружила таинственное «месимери». В это самое «месимери» – полдень – местные греки на полном серьёзе переоблачаются в ночные пижамы, наглухо задраивают ставни и как ползунковая группа детского сада укладываются баю-бай. Такая оторопь меня взяла от сего факта, что стало вовсе не интересно наблюдать за сбоем работы собственного пищеварительного тракта. А гульки до утра? По всем барам и ресторанам города и всё за одну ночь! А, танцы на столах с заморскими яствами?!

О-о-о! У нас в Грузии за такие не адекватные штучки госпитализировали бы гордую женщину Кавказа в труднодоступный, высокогорный Психоневрологический диспансер с рекомендацией по лечению в виде инсулиновой комы.

Вот я под впечатлением и в полнейшем недоумении, насобираала наблюдений своих да чужих и издала в Афинах не очень большую книжку под названием «Улыбка с прикусом Эллады». Именно с «прикусом», а не «привкусом» как считают некоторые. «Привкус» – это

послевкусие, а «прикус» – линия смыкания зубов. Этим названием я подчеркнула как мощно способны сомкнуться челюсти неповоротливого государственного аппарата Греции на талии новоприбывшего репатрианта, а богато посаженные зубы любого сотрут в порошок.

Книга вышла в издательстве «Ксенос типос» под редакцией Управляющего Директора газеты «Афинский курьер» Сергея Ершова. Этого сборника в интернет версии пока нет, и у меня появилась возможность его дополнить новыми смешными штучками, ну или... переписать вообще заново. «Улыбка с прикусом Эллады» выйдет, скорее всего в марте следующего года. Второй сборник рассказов «Гречанка русская душой» был издан в Санкт-Петербурге в 2004 году ровно через десять лет после первой книги. В него вошли рассказы о Греции и «за жизнь» вообще 10 августа 2014 года под псевдонимом Фрида Хофманн увидела свет моя тетралогия (или квадрология), случайно получившая два названия.

Первое название – «Город под звёздами».

Каждый человек – это Город, это целая вселенная, и живём мы все под одним общим небом со звёздами.

«Город под звёздами» издан тоже в Санкт-Петербурге и вместил в себя 738 страниц мейн-стрима, для 18 лет и старше.

По жанру это психологический триллер о пионерско-социалистическом прошлом одной из пятнадцати «братских республик» описанный ребёнком-инвалидом, родители которого категорически не желают признавать его проблемы. Большая, толстая книга о дружной семье, о верных друзьях, о первой любви и об отдалённых результатах «Великого Переселения Народов», затеянного Иосифом Сталиным. Этот же факт и дал второе название теперь уже четырёхтомнику – «Пасынки отца народов», разделённого нами на 4 независимые части. Ну, уж слишком тяжёлым по весу вышел «Город» в первом издании – один килограмм, пятьдесят граммов в жёсткой обложке. Такое, если читать лёжа, с живота сползает, а куда ещё тарелку с фисташками пристроить?!

«Пасынки отца народов» – общее название квадрологии, опубликованной в интернете, но у каждой части есть отдельное, своё, отдельное имя.

Первая часть – о детстве главной героини-дошкольницы и о «тайне», рассказанной дедом – «Пасынки отца народов. Сказка будет жить долго»

Вторая книга наглядно демонстрирует, как всего один день может превратиться в целую, бесконечную жизнь, если тебе всего одиннадцать и ты со своими проблемами один на один – «Пасынки отца народов. Мне спустит шлюпку капитан»

Третья часть «Пасынки отца народов. Какого цвета любовь?» – О первых, просыпающихся чувствах. Любовь... какой она бывает? Какой она может быть, если тебе пятнадцать лет, а ты уже гораздо толще своей мамы!? Какой она бывает, если ты – девочка, а у тебя растут бакенбарды и усы?!

Последняя, четвёртая книга из тетралогии – о крахе СССР, замужестве и переезде в мифическую Элладу. Но, как оказалось на поверку: между мифами и реальностью слишком, слишком большая разница – «Пасынки отца народов. Сиртаки давно не танец»

«Пасынки отца народов» – вполне можно назвать документом эпохи неясности, когда было не понятно, почему слово «диктатура» (в переводе с греческого «насилие») в отношении всех исторических фактов, при которых эта самая «диктатура» имела место быть – очень плохо, а в словосочетании «диктатура пролетариата» – это очень хорошо! Но, каким страшным преступлением перед миллионами простых граждан было насильственное вживание русской культуры в новоиспечённые республики СССР! И кто взял на себя ответственность за «скрытых» жертв, принесённых к алтарю «обогащения и гармоничного вплетания» в культуры «отсталых» государств совершенно чуждые им понятия, такие как «освобождение» и «раскрепощение» женщин Востока? Кто вообще вспоминает о женщинах, поверивших Коммунистической Партии, снявших с себя паранджу и в тот же день жестоко зарезанных кинжа-

лами своих же отцов, старших братьев, мужей, старающихся смыть «позор с семьи» женской кровью?! О том, что русификация была страшным преступлением и стала настоящей катастрофой для женщин неславянских республик до сих пор стараются не упоминать, «тактично» обходя национальный вопрос, как огромные подводные скалы, строя хорошие, толерантные рожи при плохой игре.

Что сказать? Эта квадрология – встреча с прошлым. С давно забытым прошлым, потому, что обиды и неприятности чаще забываются, уступая место новому, хорошему, доброму. Но, это не всегда так. Иногда детские психологические травмы могут привести к необратимым последствиям.

В 2015 году на книжных полках магазинов появился сборник «Буковый лес». На данный момент он, наверное, мой любимый. В нём две повести и три рассказа. Может быть, я когда-нибудь напишу что-нибудь получше, но вот на данный момент как то так...

Первая повесть «Буковый лес» дала название всей книге. О чём она? Сложно ответить. Каждый видит в ней кусочек своей жизни. Для кого-то – рассказ о неразделённой, но огромной любви, которую главная героиня – Линда – пронесла через всю жизнь; кому-то – энциклопедические факты, облачённые в художественную форму, начиная с жизни в Советской Грузии до эпохи Великого застоя в Греции, сдиржированного канцлером Германии госпожой Анжелой Меркель; третьим – напоминание об, принятом в 1942 году, «Окончательном решении еврейского вопроса». Во многих читателях название книги будит воспоминания о героическом подвиге Советских солдат в годы Второй Мировой войны, ведь в переводе с немецкого «Буковый лес» это – «Бухенвальд».

Впервые «Буковый лес» был опубликован в международном еженедельнике «Мир и Омония» под редакцией Инги Абгаровой в 2013 году.

Вот тут мне бы хотелось не надолго остановиться, чтоб сделать лирическое отступление.

Я очень люблю посещать музеи, всякие, разные. Для меня особой роли не играет – краеведческий ли он, музей ли речного транспорта под открытым небом, или вообще узкоспециализированный для пролетариев умственного труда. Мне всегда нравилось рассматривать, как на музейных экспонатах отражаются национальные особенности специалистов—реставраторов. Есть музеи, где на экспонатах небрежно замазывают ржавчину жёлтой краской и выставляют их на общее обозрение. А, есть другие...

О-о-о, есть музеи, где невольно любишься самой работой реставратора, совершенно позабыв зачем именно ты сюда пришёл. Из любого сюжета можно сделать конфету, любую книгу можно загубить на корню. Всё зависит не столько от автора, сколько от «реставратора», от его вкуса и умения. Так можно сказать и о переводах на другой язык. Как можно, тем более не зная того, другого языка в совершенстве, доверить свою книгу, даже очень хвалёному, но не знакомому переводчику?! Одним росчерком пера он может уничтожить любые поползновения, даже самого великого писателя, да хоть того же Алексея Толстого, быстренько заменив в его рассказе слово «неслух» на «непослушный». Всё. Свет погас. Осталось только одно мерцание...

Переводчик, а уж тем более редактор должен знать об авторе всё. Он должен с ним дышать одним воздухом, должен его «видеть», «слышать», должен стать кровью в его сосудах. Этом то и совершенно замечателен феномен главного редактора еженедельника «Мир и Омония» Инги Абгаровой, редактировавшей несколько лет назад мой «Буковый лес».

Кто может себе хотя бы представить работу редактора? Сотни авторов, тысячи писем, десятки сотен различных мнений, довольно редко выраженных внятно и грамотно. И каждый раз, каждый Божий раз Инга надевает на себя шкуру каждого, становясь им до мозга и костей, абсолютно понимая всё, что автор хотел сказать, а потом берёт в руки лазерный скальпель и вытравливает всё ненужное из текста, из слова, не травмируя жизненно важные органы.

Моя повесть «Буковый лес» была пропущена через фарфоровые фильтры её волшебными руками.

Но, в сборнике есть ещё одна повесть. Она называется «Больше чем реалити».

Это совершенно автономный рассказ о судьбе всё той же Линды из «Букового леса», но в то же время как бы и продолжение первой части. В основу вошли совершенно реальные события, которые произошли в её жизни. Она несколько автобиографична, то есть я видела всё это как бы «изнутри», но читатель ни в коем случае не должен делать ошибку и отождествлять меня с главной героиней. Тем более здесь, за сценой косвенно присутствует и... сама Инга! Это с её подачи Линда едет сниматься в Украину на программу по обмену жёнами. Есть такое реалити, когда семьи меняются жёнами. В этом выпуске украинка приезжает в Грецию, а Линда едет в новую семью в Киев. Ни одна, ни вторая участницы не знают куда они попадут и чем закончится этот виток судьбы. Все шансы равны. Можно попасть и в богатый дом со служанкой и дворцом, а можно угодить в деревню кормить поросят, где куски асфальта вставляют в обручальные кольца как драгоценные камни. В семьях надо выполнять все обязанности, которые делала до тебя партнёрша по съёмкам. «Секс с хозяином дома исключён полностью! – Так ответили Линде на её недоуменное сопение, – Но всё остальное...» Линда не боялась работы, ей было интересно – что такого может делать другая женщина, чего не сумеет она? Отношения с молодым мужем у неё давно зашли в тупик, поэтому Линда, услышав предложение о съёмках, не долго кокетничает и с преогромным удовольствием улетает в Киев, о чём вскоре очень пожалеет. Она никогда не думала, что есть вещи страшнее секса с не знакомыми мужчинами.

Далее в книге три небольших рассказа под редакцией совершенно замечательных литераторов – Евгении Кричевской (Евстафиу), Джулии Тот и профессора физики, члена Союза Писателей России – Новикова Александра Фёдоровича из Санкт-Петербурга.

Спасибо прекрасному фотографу, врачу и по совместительству подруге всей жизни Синельщиковой Виолетте по кличке... ну, да ладно. Бог с ней!

Отдельное спасибо мне хотелось бы сказать Евгению Булаш – верстальщику и дизайнеру – за помощь в издании всех моих книг, за ангельское терпение при работе с автором и замечательные профессиональные навыки, и конечно моему сыну – молодому художнику Александросу Бурджанадзе за сделанную с потрясающей точностью карикатуру.

В самом начале вступления я спросила тебя, мой читатель, хочешь ли ты встретиться с прошлым?

Все перечисленные мною книги – это не только мои воспоминания, они и твои.

С уважением к тебе и любовью Валида Будакиду (Фрида Хофманн)

Валида Будакиду. Фото автора.

Дорогому читателю

Начну со слов безмерной благодарности за то, что ты решил вступить со мной в диалог. Именно в диалог, который мы образно назовём «беседой».

Мои высказывания, даже облечённые в художественную форму, подчас весьма непредсказуемы. Так вышло в жизни, что я смотрю на мир под иным углом зрения, ну или, как большой поклонник одновременно и Квантовой Механики и Зигмунда Фрейда – существую по другим законам. В какой-то момент прочтения, уважаемый читатель, тебе захочется со мной разругаться, кинуть в мой фейс своим пломбиром, через секунду – похвалить, даже поцеловать, а тут – вот жешь незадача – меня рядом нет! Тогда ты и вступаешь со мной в беседу, мысленно то соглашаясь, то наоборот возмущаясь моим «бредом». Собственно, это большой роли не играет, принципиально важно – тебе не будет скучно ни секунды!

Этот сборник рассказов – небольшая часть моего литературного творчества.

Видимо, каждый доктор в определённый момент жизни начинает чувствовать, что ему необходимо высказаться. Накопленный, при общении с пациентами, большой жизненный опыт, и иже с ним потенциальная энергия ну о-о-о-очень просятся на свободу!

Этот сборник уже был однажды издан, но с другим названием. Та, предыдущая книга называлась «Гречанка русская душой» и в своё время разлетелась как горячие пирожки в базарный день. Тогда я решила её переиздать, дополнив новыми смешными и не очень историями из своей жизни. За два года своей работы в газете «Московский Комсомолец», которая в Греции выходила под названием «Афинский курьер» я дала довольно много литературного материала. Тогда к моим предыдущим мыслям добавилась ещё одна мысль, естественно, не менее гениальная: собрать всё, опубликованное в нашем афинском еженедельнике в одну книжку. И даже название не пришлось придумывать, оно пришло само собой, не навязчиво напоминая читателю о такой замечательной газете как «Афинский курьер» и её Управляющем Директоре – Сергее Ершове.

Мирка Вместо вступления.

Возможно, эта новелла кому-то напомнит рассказ Алексея Толстого «Маша». Но в том-то и трагедия человечества, что сегодня я пишу «Мирка».

– Русская... молодая... не замужем... ничего...

И это всё про меня.

И всё – вранье!

Я не была «русская», не была и очень юной; замужем и с ребенком. «Ничего» я тоже не была. «Ничего» – это дырка от бублика. А я была еще ого-го!

Особенно «ого-го» заметно со спины, прямой и ровной, как у папы. И еще манера высоко держать голову. В любом случае – я была интересней всех жен, в переехавших из бывшего СНГ семьях и поселившихся в Халкидикских Ханьоти. Надо полагать, это отчасти объяснялось и родом занятий. Они – усталые, сгорбленные и обессиленные нескончаемой работой по четырнадцать часов в сутки. Я – владелица хорошо оборудованного стоматологического кабинета, в белом комбинезоне, просторной мансардой и, с всегда присутствующим в холодильнике, ледяным пивом. Многие ходили лечиться, некоторые «просто так». Русская... молодая... не замужем... ничего...

Это лето выдалось особенно жарким. Казалось, даже мухам лень шевелить крыльями, и они опухли и отекали от страшного пекла. Зато цикады издавали такой невообразимый шум, что хотелось заткнуть уши и бежать, бежать от всех и от всего, чтоб броситься как есть при белом комбинезоне в прохладные воды сказочного залива. Из многочисленных таверн тянуло запахом печенной рыбы и жаренного мяса. «Как можно столько есть в такую жару? – думала я, – когда сама мысль о еде вызывает позыв к рвоте».

Подъехавшая зеленая «Мазда» отвлекла меня от несбыточных мечтаний о море. Она остановилась в тени напротив моих дверей. Из приспущенного окна водитель приветливо махал мне рукой и улыбался. Я тоже изобразила подобие улыбки и помахала в ответ.

– Вдруг знакомый, – решила я и приняла гостеприимную мину.

– Добрый день! – из машины вышел широкоплечий высокий мужчина, громко хлопнув дверью, – ты же говоришь по-русски? – спросил он по-эллински, – я тоже немного. Мне ребята про тебя рассказывали.

Ага. Русская... молодая... не замужем... ничего...

– Меня зовут Вангелис, – продолжал он приятным низким голосом, – моя жена болгарка. Хочешь, будем говорить по-русски? – он явно желал произвести на меня впечатление и, надо отдать ему должное, господину это удалось! Это при каком таком темпераменте на него не действуют температурные раздражители? Он был потным, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки, с золотой цепочкой на густо поросшей шерстью груди и очень веселый.

Вангелис схватил большой пластмассовый стул со спинкой и с разгона плюхнулся в него. Ножки стула немного разъехались, но он совершенно безбоязненно в нем сидел, широко расставив колени.

– Ух, как жарко, правда? – он опять улыбнулся. У него были ровные, мелкие и, как бы плотно пришлифованные друг к другу, зубы. – Такой я себе тебя и представлял.

– Надо же! Он меня еще и представлял, – удивилась я.

Пока вошедший рассуждал о шутках метеорологов, туризме и Энгельсе, я незаметно пыталась его разглядеть. Говоря откровенно, он меня заинтриговал. Грек, довольно сносно говорящий на русском, он не был похож на местных завсегдаев кафейни, любителей просить да тридцатиграммовой чашечкой кофе несколько часов подряд, беседуя о туристках, деньгах и налоговой инспекции. Но он не был похож и на «наших», праздно шатающихся бригадами от трех до двенадцати членов по узким кривым улочкам деревеньки в поисках приключений. Он действительно был очень импозантным мужчиной. Он был интересен, даже красив. Красив той зрелой, мудрой красотой, которая наводит на мысль о вине хорошей выдержки.

Волосы на голове Вангелиса были с аккуратной проседью, так называемые «соль с перцем», коротко подстриженные и зачесанные назад. Они подчеркивали загар на его обветренном лице. Светло-карие, почти желтые глаза не останавливались ни на секунду! Они за доли секунды осмотрели все: кабинет, установку, фотографии на стенах, меня...

– Какая красивая афиша, – кивком головы он указал на стенку.

– Это не афиша. Это мой сын, – хотела сказать я, но... почему-то не сказала.

– У меня тоже есть дети. Трое. Я из-за них и пришел. Понимаешь, у меня небольшая гостиница, сейчас сезон и совершенно нет времени ничем заниматься. У них что-то там с зубами. Они сами к тебе подойдут. Ты им сделай все, что надо, а я заеду, расплачусь. Хорошо? Я деньги наличными никогда никому не даю ни жене, ни детям. Надо им что-то – пошли – куплю. Надо жене в супермаркет – поехали, отвезу. Женщинам вообще деньги давать нельзя! Они их даже считать не умеют. Ну, что, договорились?

Я согласно кивнула: какое мне дело, кто оплачивает мои услуги? Лишь бы вовремя платили.

На следующее же утро из подъехавшей знакомой «Мазды» высыпались все трое: два красавца парня лет десяти, одинаково одетые, с одинаковыми жестами и лицами, в хвосте плелось маленькое хрупкое создание с длинными светлыми волосами, лет восьми.

– Вот эти мои! – из окна торчала голова Вангелиса в белой кепке, – я поехал дальше. Смотри, не сделай им больно! – он гикнул, словно прищпоривая коня и рванул с места, дав полный газ.

Мой клиент снова появился через неделю.

– До чего у тебя замечательные ребята! – это было первое, что сказала я после приветствия. И все троя – твоя копия! – мне не составило труда пропеть комплементы, ибо дети действительно были умны и серьезны не по годам. А уж тигриные отцовские глаза и стройные фигурки...

– Правда похожи? – Вангелис таял от удовольствия, – все так говорят! Знаешь, что самое интересное? Они все от разных жен. Все трое. А сейчас у меня четвертая. Болгарка. Я сам ее из Софии привез. Она там в детском кинотеатре билеты продавала. Вот теперь живем впятером. У нее и от первого брака детей нет, а врач сказал, вообще не будет. Он мне говорил почему, но я не помню. А у меня, скажу тебе по секрету, только ты никому не говори, – и Вангелис перешел почти на шепот, – от самой-самой первой жены еще один сын есть. Ему сейчас двадцать два, или двадцать три. Но того я не забрал. А этих забрал.

– Не хило, – думала я про себя, – если еще принять во внимание, что старшие двое, которые приезжали, почти ровесники. Одному – десять, второму – десять с половиной. Когда они сказали сколько им лет, я рассмеялась, списывая их неточные данные на несостоятельность в арифметике, хотя в этом возрасте большинство детей здесь считают и до пятнадцати.

Тем временем Вангелис поменял стул и уселся опять прямо передо мной. Сильный и крепко сбитый, он прочно сидел на моей мебели, поблескивая своими желтыми глазами под седоватыми стрелами бровей. Он философствовал:

– Мирка хорошая хозяйка, но она такая неинтересная, глупая. С ней поговорить практически не о чем. За детьми, правда, хорошо смотрит, чистоплотная. Гостиницу всю она убирает. Я стараюсь не брать помощницу, они все ленивые, и всё что-нибудь стащить норвят.

Мне показалось немного странным, что одна женщина убирает почти всю гостиницу и одновременно смотрит за тремя детьми мужа. Но, чужая семья – потёмки! Мало ли какая там любовь! Это даже не любовь, это обожание недалекой туповатой женщины своего красавца-мужа и его детей.

Воображение мне тут же нарисовало тихое забитое животное, все в трудовых мозолях, рядом с этим виртуозным ловеласом, и мне стало не по себе. Где-то в глубине души стало немного обидно (за Вангелиса, конечно), и жаль его жену.

Но, в конце концов, каждый человек хозяин своей судьбы. Каждый сам себе ее выбирает. Мне всегда претили женская слабость и безответность. Никого насильно замуж не выдают, и прежде чем на что-то решиться, надо еще шевелить мозгами, если они есть, конечно!

Как это там у Горького? «Человек – это великолепно! Это звучит гордо!»

– Сериалы не смотрит, я встаю с утра, включаю музыку – песни наши, я включаю – она тише делает А вчера эта трели (ненормальная) знаешь, что мне выдала: «Музыку нельзя слушать целый день, так теряется ее красота, музыку надо слушать, где нужно и когда нужно». Совсем с ума сошла! Говорю ей «Пошли на бузуки, в таверну» – не хочет. На кофе к соседям – не хочет! Видишь, как с тобой приятно разговаривать! О чем хочешь поговорить можно. Она молчит. Жизни в ней нет – зен эхи зонданыя автос о антропос! Давай я с тобой расплачусь и поеду по делам. Еще в супермаркет надо не забыть. Мирка хлор и кислоту для туалетов попросила. Вроде недавно покупал. Куда она их деваает? Пьет, что ли? – и Вангелис, довольный своей шуткой разоржался, как конь.

Долго еще после того, как исчезла за поворотом громыхающая «Мазда», исцарапанная, безбожно побитая, покрытая многовековыми накоплениями трудовой грязи, я думала о таких вот несчастных мужчинах, красавцах, весельчаках с виду, а в душе таких несчастных и одиноких, как бы потерянных в этом огромном мире.

На следующее утро меня разбудил телефонный звонок, звонил Вангелис:

– Привет! Спишь? Чего спишь, уже полвосьмого, вставай! У моего старшего зуб опух, что нам делать? Хорошо, хорошо, жена вечером после работы приведет. Ты ей напиши подробно, что делать и какие лекарства купить. Нет, на автобусе, вечером, позже. После работы говорю же. Да, пока.

Кто любит летний знойный вечер? Когда воздух густой, как молочный кисель, а расплавленный асфальт источает впитанную за день жару. Кажется, что ты во влажной духовке, из которой только что вынули печеного в яблоках гуся. В баре напротив начали собираться люди. На всю мощность изощрялась: «Дэн эхо таси автоктопияс...» Что в свободном переводе звучит так: «У меня нет влечения к суициду» – очень модная в этом сезоне песенка.

– У нее-то, пожалуй, точно нет.

А если сейчас вовремя не закрыть кабинет, то у меня появится. Я потянулась к ключу, когда услышала на лестнице чьи-то шаги.

– Добрый вечер. Я – Мирка, жена Вангелиса. Извините, что немного опоздала. Мы с сыном не успели на предыдущий автобус, сегодня въезд туристов, много работы было. – Она говорила на хорошем русском, но с сильным болгарским акцентом. Видно, муж ее успел обрадовать, чтоб не ломала язык по-гречески «дэн тэли», «дэн кизери...» Нет, болгары никогда не научатся чисто произносить греческую «фиту».

Она все еще стояла передо мной, держа за руку вангелисовского «старшенького». Видя мое непробиваемое выражение лица, Мирка смущенно улыбнулась:

– Мы так спешили...

Она не производила впечатление простолюдинки и билетерши из детского кинотеатра, которые с полуоборота переходят на «ты», хлопают по плечу и, дыша тебе в лицо луком и рыбными консервами, панибратски орут: «Как хорошо, что ты наша!» Ваша? Почему «ваша»? Я мамина и папина.

Хлопчик сам по привычке залез в стоматологическое кресло и открыл рот. Мирка стояла рядом.

Нет, я категорически никогда не понимала, почему такие жизнерадостные и темпераментные мачо, как Вангели, женятся на таких серых и неинтересных мышках? Иногда все можно списать на внешние данные избранницы, а тут... Хотя... Она довольно стройная, только эта дешевая одежда с лайков ее уродует. Росточком могла быть и повыше, или носила бы обувь на каблуке. Бледновата. Кстати, что за идиотская манера, живя на побережье, не загорать и не купаться в море? Такой окрас кожи просто вызывающе выглядит! И волосюшки зачесала назад. Редкие, так поди, подстриги, завивку сделай. Можно же как-то скрывать отсутствие пышной шевелюры. Э, да о чем с ней говорить, сказано же «зэн эхи зонданья!» (нет жизни).

К счастью, у ребенка не было ничего особенного: он вчера, прямо после удаления зуба вместе с братом обтрясли инжир, наелись, и ему в лунку попало несколько косточек. Вот щека и распухла. Я промыла ранку дезинфицирующим раствором и выписала рецепт на лекарства.

– Назначение домой Вам лучше на русском писать, или на греческом? Вы, вообще, грамотная? Цифры разбираете? Вот тут написано: по 1 – 2 раза в день. Это понятно?

– Да, пожалуйста, на русском лучше. Я часто бывала в Москве в командировках, – она как-то вдруг вся съежилась, – и цифры знаю. Тут Мирка тряхнула головой, словно пытаясь сбросить с нее что-то очень мерзкое, липкое, и подняла на меня огромные голубые глаза:

– Да, я знаю цифры. Я – физик-ядерщик... Я работала в Дубне... кандидат наук...

Прошло столько времени, а я не могу забыть ее глаза – два бездонных светлых озера чистейшей воды. Два голубых озера, полных спокойствия и бесконечной печали.

Собачья доля Вместо пролога.

Когда мы (мы – это мой брат Юрка, муж Арис и я) переезжали в Греции на постоянное место жительства, мне казалось, что все уже переехали, а я последняя плетусь в хвосте огромной колонны с малюсенькой авоськой в руках. Мне рассказывали люди, неоднократно побывавшие на этой земле, о чудесах: «Там нет ни мух, ни крыс. Все люди культурные, все время улыбаются. Солнечно, тепло, красиво». Вот такой я себе и рисовала эту страну, населенную потомками древних эллинов.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

С. Есенин

– Сегодня мы пойдем устраиваться на работу, – в дверях стояла тетя Оля, мать моей одноклассницы, и улыбалась своей доброй и чуть растерянной улыбкой.

Она часто заглядывала к нам в подвал, оборудованный под квартиру. Мы, конечно, несколько стеснялись стен, выщербленных напрочь, как будто кто-то по ним прошелся с ближнего расстояния из автомата Калашникова, но гостей принимали. Заходил к нам и Мишка – мой одноклассник. За Михой закрепилась слава самого хорошего переводчика: он ни слова не знал по-гречески, но его потрясающе живая мимика доводила до сознания окружающих совершенно не доводимые вещи.

«Вот уже неделя, как мы приехали, а мне все еще холодно. У меня такое чувство, что я никогда, никогда не согреюсь. Надо же – ложиться и вставать в одной и той же одежде. Отопления нет. На солярочную печь денег тоже нет. Вчера Юрке в туфель крыса затолкала корку хлеба. Подкармливает? Пожалела, что ли? Хорошо ребята устроились работать на стройку. Может и мне повезет? Повезти-то повезет, а вот как там, куда повезет, без знания языка продержаться? Страшно... Такого напряжения у меня даже не было при сдаче государственных экзаменов в нашей медицинской академии. Да, Бог с ним. Все когда-нибудь образуется», – это запись из моего дневника.

И вот, улыбнулось счастье – на пороге стоит тетя Оля и приглашает сходить с ней к какой-то знакомой:

– Пошли со мной. У нее есть телефон, оттуда и позвоним. Позвоним вот по этому номеру, а они посмотрят: кто из нас больше подходит, того и возьмут.

Вот не думала, что на замещение вакантной должности домработницы могут объявляться конкурсы с прослушиванием!

И, как не крути, «камарьера» – это уборщица, а «икиаки войсос» – это домработница. Что ж, пролетариату, который я данный момент представляю, терять, как сказано в могучем труде Карла Маркса, нечего, акромья своих цепей. А у меня и цепей-то нет, а вот гонор и профессиональную гордость надо запихнуть куда подальше...

– Идешь? – голос тети Оли вывел меня из ступора.

– Конечно! Сейчас, только обувь переодену.

Я чувствовала, что иду зря. Шансы мои поперед тети Оли были равны нулю. Тетя Оля старше меня, стало быть – опытнее в ведении хозяйства. Плюс ко всему – обладает неоспоримым преимуществом – знанием понтийского. Мой же вид, кроме подозрений, ничего не вызывал. Пытливый взгляд и высокий лоб навряд ли самое лучшее украшение домработницы. А уж степень знания греческого... Если сильно постараться и сосредоточиться минут пять, то я могу выдавить из себя почти без акцента «я сус» и «нэ». На этом мой словарный запас иссякал.

Но, как ни странно, взяли меня. Это мне сперва показалось странным, а потом я поняла, что хозяева – большие оригиналы и тонкие ценители английского, мое лопотание приняли за язык Байрона, и, решив, что их отпрыски параллельно с чистой сменой нижнего белья могут иметь бесплатные уроки иностранного, пригласили на 40000 драхм (около 120 евро) в месяц в два выходных.

Хозяйкой оказалась довольно тучная особа, лет сорока пяти, любившая, чтоб вся одежда на ней трещала и расплзалась по швам. Она почему-то страшно сопела и издавала какие-то странные утробные звуки по утрам, когда варила себе кофе. Она была похожа на простуженного мерина.

Хозяин, напротив, был невероятно высок и худ. Он все время пытался держать свою руку на остатке ее талии (куда доходила, в смысле). Также носил на лице остроконечную бородку, как у Льва Троцкого, и невероятно лохматую шевелюру. Он все время моргал.

Хозяйка что-то горячо и долго мне объясняла на греческом по поводу ее младенцев, оставшихся неухоженными и без присмотра, потому как «Эмис ме тон Леонида эхуме поли зуля» (У нас с Леонидом много работы). Ну, эту-то фразу я поняла! За Наташей надо следить, чтоб ела: ребенок все время старается сидеть на диете, и это может пагубно отразиться на ее здоровье. А у Стефаноса аллергия, поэтому в его комнате надо убирать очень тщательно, дабы ни пылинки не летало! «У него бронхиальная астма, и он требует особого ухода».

– А где дети сейчас? – мой вопрос прозвучал немного неожиданно, ибо хозяйка только начала мне рассказывать о признаках бронхиальной астмы.

– Наташа во фронтистирио (дополнительно учебное заведение, параллельное со школьной программой). Стефанос на тренировке по баскетболу.

– Так сколько детишкам лет? – я немного опешила, не сразу взяв в толк, что отпрыски, видимо, давно вышли из грудничкового возраста.

– Наташе – девятнадцать, а Стефаносу – двадцать один.

О, да, да, конечно! В этом нежном возрасте детям особенно нужна любовь и ласка домработницы, а еще глаз да глаз. Тоже, прошу заметить, все той же домработницы. Их нельзя оставлять наедине с самим собой, без обеда и в пыльных комнатах.

– Все понятно, – я участливо закивала головой.

Хозяйка осталась довольна моей понятливостью и сочувствием к ее тяжелой женской участи. Тут «бизнес горит», а с «двумя детьми какая работа», «ведь ты понимаешь?» Я «понимала» и поэтому согласилась выйти на работу «прямо сейчас».

– Смотри, вот этот первый этаж с бутиком женской одежды «лямбда» – мой. На втором – виотехния. Там одежду шьют. Это тоже мой этаж. На третьем живет моя тетка Джени. У нее никого нет, поэтому квартиру она завещала мне, одним словом, тоже моя. На четвертом живем в своей квартире мы, а пятый недавно купили для Стефаноса. Но тебе надо следить только за детьми и за нашей квартирой. Иди за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.